

ГОРОД ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Туркина В.Г., Анисимов Н.О.

*Туркина Виктория Григорьевна - кандидат философских наук, доцент
Белгородского государственного института искусств и культуры
E-mail: veni_vedi_vika@mail.ru*

*Анисимов Никита Олегович - студент
Белгородского государственного института искусств и культуры,
E-mail: nik.anisimov.o@bk.ru*

Актуальность избранной темы связана с необходимостью формирования особой среды города, называемой нами гуманной. В это определение, по нашему мнению, включено все культурно-образовательное пространство города, пространство полицентричного диалога, взаимодействия разнообразных потребностей и множества интересов. Мы выделяем поликультурные формы диалога, среди которых культурно-исторический, художественно-концептуальный.

Ключевые слова: город, пространство, среда города, поликультурный диалог, культурно-исторический диалог, художественно-концептуальный диалог.

MODERN CITY: THE FORMATION OF A HUMANE ENVIRONMENT

Nikita Anisimov, ViktoriyaTurkina

The relevance of the chosen topic is connected with the need to form a special environment of the city, which we call humane. In our opinion, this definition includes all the cultural and educational space of the city, the space of polycentric dialogue, interaction of various needs and many interests. We distinguish multicultural forms of dialogue, including cultural, historical, artistic and conceptual.

Key words: city, space, city environment, multicultural dialogue, cultural and historical dialogue, artistic and conceptual dialogue.

*«Какая благоустроенная планета, — сказал Мбога.
— Да! Да! — радостно подтвердил Лю. —
Река, воздух, зелень, и никаких зловредных насекомых!»
А.и Б. Стругацкие. Благоустроенная планета.*

Образ среды представляет собой одну из важных смысловых характеристик города. Он рождается из онтологического сочетания реальной объективности города и представлений о нем. Можно утверждать, что образ городской среды является фундаментальной категорией в изучении города как типа особым образом устроенной обитаемой культурной среды.

Вопрос о принципах построения и функционирования городской культурной среды, в основном, занимает мысли урбанистов и социологов. Культурологическая мысль отодвигает эту тему на периферию культуроведческих текстов.

Современное прочтение темы организации культурной среды города связано с проблемой применения пространственного мышления и восприятия города. Пространственное мышление в данном случае можно понимать как устойчивое пространственное представление, которое формируется в результате человеческой деятельности¹.

Город сегодня – это интерактивное и симулятивное, во многом, виртуальное, пространство, а не реальная историческая и культурная среда. Окружающий нас городской ландшафт становится всё более однообразным и чужеродным. Эта проблема становится наиболее остро перед человеком, находящимся внутри городского пространства, которое непрерывно генерирует и транслирует информацию, события, смыслы и т.д. Горожанин, вынужденный ежедневно «считывать» эту информацию, осваивает и интегрируется в это изменчивое пространство города, которое превращается в пространство анонимной архитектуры «стекла и бетона» и «корпоративного стиля». В этих условиях процесс естественной культурной и социальной легитимации человека как горожанина, наполняется новым содержанием.

Пространственная символика современного города приобретает большую значимость, поскольку представляет собой инструмент изучения и регулирования личностной самоидентификации: в попытке определить свое место в пространстве города, городского социума, и, шире, в стремлении обозначить собственную идентичность, люди обращаются к вещам и образам, кажущимся самоочевидными.

Это, в свою очередь актуализирует проблематику городских культурных пространств как пространств, наполненных культурными смыслами и доминантами. Эта неидеальная, на первый взгляд, конструкция существует и зависит как от внешних факторов, так и от внутренних процессов. В роли внешних факторов выступают все актуальные знания и представления горожанина о своем городе, а также взаимоотношения с ним. Как пишет Г. Каганов, это и «прошлый средовой опыт, и уроки текущего момента, и ожидания, обращенные в будущее, и представления горожанина о самом себе, и своем месте в городе»². Все это плотно сплетено в тугий узел смыслов и образов, в экономную компактную структуру, конструкт – образ города. Никакой логики в образном восприятии города нет. Это, скорее всего, поток ассоциаций, которые порой становятся и для самого горожанина полной неожиданностью, запечатлеваясь в художественных, выразительных средствах и обретая «вторую реальность». Примером тому служат образы Москвы, Петербурга, Парижа, Вены и пр.

Важным свойством образа, его несомненным признаком, можно считать присутствие в нем культурной доминанты, и ее визуальную «читаемость», по выражению К. Линча, культурного локуса, претендующего на

доминирование³. Под читаемостью следует понимать ясность, зримость образа, легкость запоминания ключевых элементов культурного конструкта, то есть всего того комплекса образов, которые создают открытую среду пространственного диалога – полицентричную, многозначную, территорию взаимодействия разнообразных потребностей и множества интересов.

Мы выделяем поликультурные формы диалога, среди которых культурно-исторический, художественно-концептуальный.

Наибольшую отдачу, на наш взгляд, можно получить, воспринимая город в историко-культурном и художественно-концептуальном диалоге. В данном случае речь может идти о процессе работы с природно-культурными и мемориально-историческими пластами – местами памяти как самого города, так и сознания человека.

Идеальные места памяти, культурные образцы, формирующие поведенческие нормы и контролирующие анонии горожан, решающие проблему экзистенциального укоренения человека в мире в разное время называли по-разному: и «Geniusloci», и «места памяти».

Тему Geniusloci разрабатывал в свое время Кристиан Норберг-Шульц, норвежский архитектор, теоретик искусства, специалист в области организации средового пространства. Используя методологические принципы М. Хайдегера, К. Норберг-Шульц рассматривал проблему экзистенциального укоренения человека в мире. Как отмечала И.А. Полякова, «...исходные формы бытия человека – ориентация и идентификация – обусловлены, по его словам, устойчивыми пространственными инвариантами (протоформами), существующими за внешним разнообразием форм и оказывающими непосредственное воздействие на человека. Эта реальность, с которой человек с древних времен вынужден сталкиваться и приходить к согласию в своей повседневной жизни и есть Geniusloci»⁴. Норберг-Шульц считал, что Geniusloci – это живая реальность, место, пространство, имеющее «дух», характер. Дух места выражает идентичность места, а также формирует идентичность человека⁵. Дух места – это материальные и нематериальные элементы, с помощью которых определенное место люди наделяют значением, ценностью, эмоцией, как пишет И.А. Полякова⁶.

Философско-художественная метафора оказалась действенным приемом, выражающим восприятие горожанином реального места в пространстве города и процесс формирования гуманной среды.

Процесс формирования гуманной среды сталкивается с проблемой создания условий для гармоничного взаимодействия мест памяти, имеющих значение для рядового горожанина, с открытыми пространствами вокруг них. Под открытым пространством мы имеем в виду окружающую среду и ситуацию в ней, когда человек находясь внутри городского пространства, будет ощущать себя органично как со средой, так и с городом.

Для достижения эмоциональной сопричастности с пространством культурно-природные объекты (арт-объекты), наполняющие его, должны

обладать заметной для всех горожан художественной ценностью, чтобы горожане воспринимали эти объекты как артефакты искусства, а не отторгали их. Для этого следует понимать, что именно большинство горожан относится к понятию «искусство».

Современное понимание искусства большинством населения отнюдь не связано с постмодернистской парадигмой культуры в лиотаровском понимании⁷. Постсоветский постмодернизм сегодня означает восприятие искусства с точки зрения «пустоты потребления»: массовой культуры, рекламы и моды.

В лучшем случае горожане познают «искусство» в традиционных местах сосредоточения его предметов и явлений – музеях, концертных залах, театрах и выставках, либо в процессе приобщения к культурным событиям, происходящим в городе. Посещение данных культурных мест и мероприятий для большинства жителей городов – событие, оказывающее значительное влияние на закрепление представлений об «искусстве».

Если мегаполисы могут «похвастаться» арт-объектами в постмодернистском стиле, то в российской «глубинке», скорее всего, возникнет онтологическое неприятие абсурдных с позиции общепринятого художественного вкуса произведений современных авторов. Это незначительное с точки зрения общих подходов к культуре и культурной среде города событие, тем не менее, оказывает мощное воздействие на сознание горожан, вызывая отторжение и лишая эмоциональной сопричастности с пространством города. Все это актуализирует необходимость создания художественно ценных, эмоционально значимых и понятных арт-объектов с открытыми пространствами вокруг них.

Главная трудность заключается в том, что материально-пространственная структура города центростремительна⁸, ей свойственна неравномерность расположения в нем «символического капитала». Это проявляется в том, что города в подавляющем случае имеют ярко выраженное символическое ядро – центр, обладающий концентрацией архитектурных объектов⁹. Такое неравное распределение разрывает общее представление о городе, чрезмерно акцентируя внимание на его центре, за обликом которого наиболее следят, поскольку эти части городской среды наиболее известны и популярны у туристов. Понятно, что к пространствам, захватывающим исторический центр города и наиболее знаковые места, это относится в первую очередь. Но, вместе с этим, происходит параллельный процесс наполнения периферийного пространства города средствами сомнительного с художественной и культурной точки зрения, далекими от художественного совершенства, что прибавляет качества агрессивности визуальной среде города. При недооценке этой ситуации возрастает риск поляризации восприятия городского пространства в зависимости от его расположения относительно центра и других знаковых мест города. Так, покидая важные для имиджа города центральные районы и оказываясь за чертой периферии города, человек сможет лицезреть только массы «мертвой» архитектуры и такого же пространства вокруг.

«Оживление» пространства города возможно при ситуации, когда завершится процесс преодоления устаревших представлений об эстетическом наполнении городского пространства, четко разделяя его на наиболее значительный центр и наименее значимую периферию¹⁰. Ресурс, благодаря которому будет возможно задать этот новый вектор развития городских пространств, видится нам в заполнении пространственной среды новыми с точки зрения художественной интерпретации природно-культурными объектами.

При этом, следует опираться не только на элитарное искусство, а на искусство, доступное и понятное наибольшему числу горожан. Объективно оценивать роль художественно-концептуального искусства в формировании эстетического вкуса горожан достаточно сложно, мы это признаем, однако возможно, технологии и практики социологических исследований, прикладных культурологических практик, профессиональных советов урбанистов, могли бы помочь в определении культурных приоритетов горожан.

Необходимо, чтобы появление новых культурно-природных объектов (арт-объектов) и формирование городских открытых пространств отвечало реальным эстетическим запросам города и воспитывало художественный вкус большинства горожан.

Кроме этого, следует уделить большее внимание наполнению общественных пространств, находящихся на периферии города, архитектурными объектами нового художественного содержания, представляющего собой синтез искусства классики и современности. Все это в итоге должно стать общей стратегией по устойчивому и равномерному развитию всего гуманного городского пространства.

Образ города влияет на конкретное поведение человека и, в силу обратной связи со средой, меняется в ответ на любые изменения среды. Этот образ, несмотря на всю свою бесплотность и субъективность, способен аккумулировать огромную творческую энергию и, напрямую воздействуя на воображение людей, иногда очень многих, может объединять и направлять их усилия, приводя в итоге к объективным переменам в характере среды.

Примечания

¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. С.92

² *Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995.

³ *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. - М., 1982.

⁴ *Полякова И.А.* Антропология места или культурные метаморфозы *geniusloci*. // Вопросы культурологии. 2011. № 10. С.46-51.

⁵ *Norberg-Schulz C.* Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. N.-Y., 1979. P.18-20.

⁶ *Полякова И.А.* Там же.

⁷ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., СПб, 1998.

⁸ *Лимонов Л. Э.* Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии. СПб., 2001.

⁹ *Маккуайр С.* Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М. Коробочкина. М., 2014.

¹⁰ *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.